

С Ахмад Шахом Масудом в Афганистане, 1999 г.

Чечня, 1995 г.

тебя хотели смотреть и читать. Как Пастернака, Гроссмана. Ведь в чистилище потом надо будет чем-то отчитываться...

— Я не уверена, что художественными произведениями.

— А вдруг? Может, все остальные рехи (многоженство, например) простят за многочисленные качественные художественные произведения.

Говорухин пишет повесть о любви, по которой собирается снимать кино. «Запереться бы где-нибудь дней на десять, чтобы никто не мешал, и написать наконец сценарий, который вынашиваю уже лет восемь», — говорит Сергей.

— А отцу постановку доверили бы?

— Нет. Отец-то здесь при чем? Это должно быть особое седьмое чувство — умение работать с актерами. На мой взгляд, он им не обладает. Самый талантливый режиссер в нашей семье на самом деле моя мать. Она уже 30 лет ведет у студентов специальность «мастерство актера». И если мне представится возможность снимать игровой фильм, поеду в Казань смотреть, как она это делает.

— Как складываются ваши отношения с Говорухиным-старшим?

— Никак не складываются.

— Однако, мне кажется, в чем-то вы очень похожи. Это можно назвать здоровым или нездоровым скептицизмом. Это явно отцовская черта.

— Может быть. Но отношения не складываются, да, видимо, уже и не сложатся.

— Вы производите впечатление законченного нигилиста. Хоть во что-то вы верите? В себя, например?

— Честно говоря, я, по-моему, ни во что не верю. Не потому, что я пессимист или нигилист... И в себя как в личность я не верю. Я знаю, где я могу поступить порядочно, а где наоборот, где я могу испугаться, а где нет...

— Вы знаете про себя такие вещи: где дрогнете, где предадите?..

— Ну, предать я не предаю, но совершить не совсем порядочный поступок могу. Мне 40 лет. Уж кого-кого, а себя я знаю.

— Как вам это удалось? Не каждый человек и к старости может узнать себя, да и не каждый хочет.

— А возраст определяется не количеством прожитых лет, а качеством жизненного опыта. Ничего особо хорошего в жизни я не видел. И она приучила меня анали-

тически относиться ко всему, что происходит во мне и вокруг меня. При этом я очень эмоциональный человек, просто стараюсь этого особенно не показывать... Сын у меня — 3,5 года. И старшему уже 11. Вот они для меня — все.

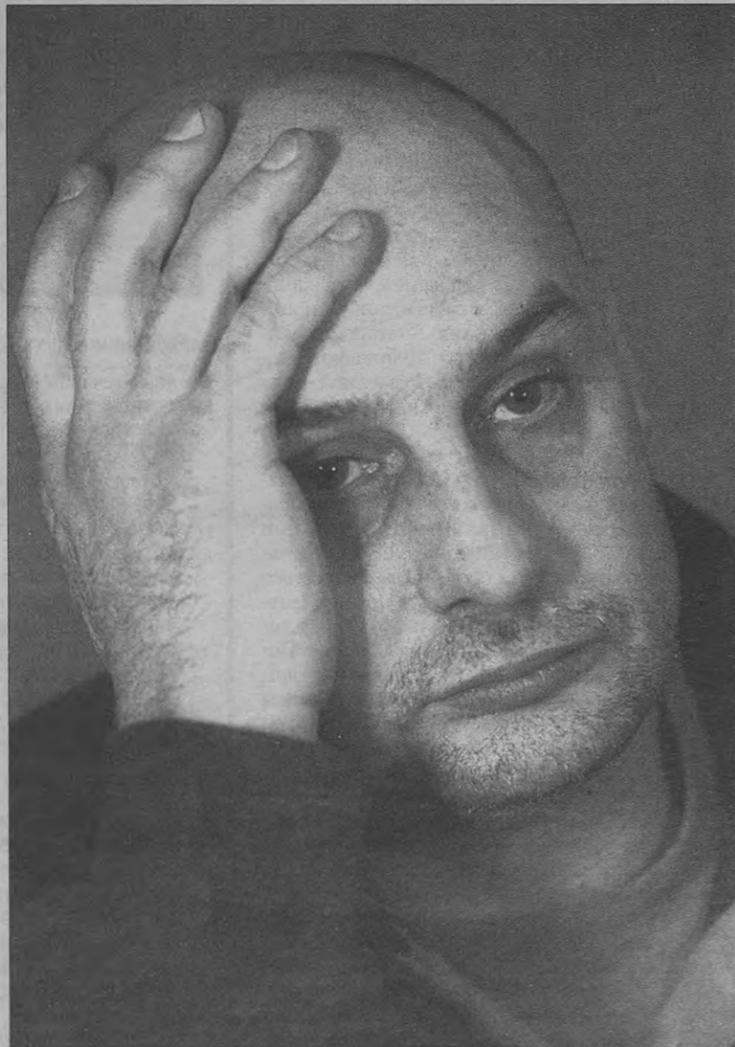
— Это правда, что вы и старателем успели побывать?

— Да, это был 85-й год. Я работал в старательской артели в Коми, недалеко от Воркуты. Попал туда волею случая и проработал там полтора года.

— Вы, наверное, единственный режиссер, побывавший старателем. Вырисовывается такой романтический герой, человек, прошедший разными дорогами. Этакий Мартин Иден.

— Я объясню вам свою позицию. В том числе и то, почему я ушел когда-то с журфака, почему сейчас руковожу Ветеранским фондом и

«...В этой стране война будет бесконечно. Если совершится чудо и закончится война в Чечне, начнется другая...»

строительной фирмой, а не снимаю каждый год по картине или сериалу... Государство ведь на наш фонд денег не дает и само ничего не делает. А я вчера подумал: дало бы государство нам хоть 10–15 тысяч долларов в месяц... Под финансовым контролем, конечно. На эти деньги я сделаю многих людей счастливыми. И не буду ходить, унижаться, просить, писать письма и ждать, подпишут их или нет... Для меня всегда была важна материальная независимость. И она всегда у меня была. Я бы не смог работать в газете или на киностудии. Если у меня что-то вырежут, я никогда с этим не смирюсь. После ВГИКа я работал сварщиком на стройке, чтобы только ни от кого не зависеть. И свою первую картину я снял на собственные деньги.

— А о любви мы будем говорить? Она вас часто посещала?

— Два раза в жизни. Но о любви мне сложно говорить. Моей первой жены уже нет на свете. Я был женат трижды. И у меня двое детей от двух последних браков. Еще один раз я был женат фиктивно, ради московской прописки. С той женщиной я поехал в свой родной город Казань. Нас быстро зарегистрировали. Это было в ноябре. А в декабре у меня родился сын от моей настоящей будущей жены. Я опять поехал в Казань. И я должен был усыновить собственного сына, поскольку мы были не расписаны. И я опять к той же заведующей загсом. Она спрашивает меня: «А что это, Сергей Станиславович, вы делаете вид, что мы с вами не знакомы?» Я отвечаю, что подумал, что она не помнит меня. «Да как же вас можно забыть?» — говорит она. — В ноябре вы женитесь на одной женщине, в январе усыновляете ребенка от другой...» — Говорухин смеется и подытоживает: — Любовь — высокое чувство. И счастлив тот, кто его испытал, хотя для мужика, мне кажется, важнее работа.

— Как отнеслись ваши родные к командировкам в Чечню? Как пережили то, что произошло с вами?

— Это была уже третья по счету командировка, и все уже смирились. Хотя, как я потом узнал, отец ставил мне какие-то препоны на пути в Чечню, но желающий попасть попадет.

Когда в 98-м Сергей вышел на сцену Дома кино для получения «Ники» за свой фильм «Прокляты и забыты», опираясь на костыли, он, кажется, испытывал неловкость. Да и в зале воцарилась ка-

кая-то необыкновенная внимательная тишина. «Мне кажется, Сережа, что вы за что-то извинились тогда на сцене». — «Нет, я «поблагодарил» отечественную медицину, ведь ранение мое в общем-то не было тяжелым». Уже 3 месяца Сергей ходит на протезе, новом, более сложном, пока еще пользуется костылями, потому что регулярно падает и ломает покалеченную ногу. Говорит об этом спокойно, а я с ужасом думаю о тех нескольких десятках метров обледеневшей, нечищенной мостовой, которые каждый день преодолевает Говорухин, чтобы попасть в свой офис. И еще... Поразительно, но он считает себя веселым человеком, хотя за весь наш разговор Сергей улыбнулся только дважды. Приходится верить ему на слово. Ведь, кажется, он по натуре абсолютно честен. Даже слишком.

— Недавно по ТВ снова показывали фильм «Противостояние» одного из моих любимых режиссеров Арановича. В новой редакции. Раньше фильм заканчивался тем, что в конце перед титрами шли списки павших на войне. Долго — минуты четыре. Под щемящую музыку Александра Кнайфеля. И смотреть на это можно было бесконечно. Так вот — это просто отрезали. Детектив прошел, а это — лишнее, решили на телевидении. Вот это, собственно, и есть характеристика того, что сейчас происходит.

— Вы признаетесь, что вас тянет на войну. Почему?

— Там другая форма отношений между людьми. Не меня одного тянет. Это как разновидность наркомании. На войне есть чувство дружеского локтя, ощущение ясности и простоты жизни. Война — это точка преломления таких понятий, как честь, достоинство, порядочность. Если я сейчас скажу какому-нибудь чиновнику, что он ведет себя непорядочно, он просто не поймет, на каком наречии я с ним разговариваю. Нас, людей, побывавших на войне несколько раз, она влечет, тянет, манит тем, что мы именно там приобретаем настоящее человеческое обличье.

— По-вашему получается, что война необходима человеку?

— Это сложный вопрос. С одной стороны, война — это огромное социальное зло, с другой стороны, именно на поле брани человек становится тем, кто он есть на самом деле. Но если есть война, она должна быть праведной.

Фото Натальи Медведевой